

Монтель Мишель
О педантизме

В детстве моем я нередко досадовал на то, что в итальянских комедиях педанты [1] – неизменно шуты, да и между нами слово "магистр" пользуется не большим почетом и уважением. Отданный под их надзор и на их попечение, мог ли я безразлично относиться к их доброму имени? Я пытался найти объяснение этому в естественной неприязни, существующей между невеждами и людьми, не похожими на остальных и выделяющимися своим умом и знаниями, тем более что они идут совсем иною дорогою, чем все прочие люди. Но меня совершенно ставило в тупик то, что самые тонкие умы больше всего и презирают педантов; например, добрейший наш Дю Белле, сказавший:

Но ненавистен мне ученый вид педанта [2].

Так уже повелось издавна; ведь еще Плутарх говорил, что слова "грек" и "ритор" были у римлян бранными и презрительными [3]. В дальнейшем, с годами, я понял, что подобное отношение к педантизму в высшей степени обоснованно и что *magis magnos clericos, non aut magis magnos sapientes* [4]. Но каким образом может случиться, чтобы душа, обогащенная знанием столь многих вещей, не становилась от этого более отзывчивой и живой, и каким образом ум грубый и пошлый способен вмещать в себя, нисколько при этом не совершенствуясь, рассуждения и мысли самых великих мудрецов, когда-либо живших на свете, – вот чего я не возьму в толк и сейчас.

Чтобы вместить в себя столько чужих мозгов, и, к тому же, таких великих и мощных, необходимо (как выразилась о ком-то одна девица, первая среди наших принцесс), чтобы собственный мозг потеснился, съезжился и сократился в объеме.

Я готов утверждать, что подобно тому, как растения чахнут от чрезмерного обилия влаги, а светильники – от обилия масла, так и ум человеческий при чрезмерных занятиях и обилии знаний, загроможденный и подавленный их бесконечным разнообразием, теряет способность разобраться в этом нагромождении и под бременем непосильного груза сгибается и увядает. Но в действительности дело обстоит иначе, ибо чем больше заполняется наша душа, тем вместительнее она становится, и среди тех, кто жил в стародавние времена, можно встретить, напротив, немало людей, прославившихся на общественном поприще, – например, великих полководцев или государственных деятелей, отличавшихся вместе с тем и большою ученостью.

Что до философов, уклонявшихся от всякого участия в общественной жизни, то недаром их порою высмеивала без всякого стеснения современная им комедия, ибо их мнения и повадки действительно казались забавными. Угодно вам сделать их судьями, которые вынесли бы приговор по чьей-либо тяжбе или оценили действия того или иного лица? О, они с великой готовностью возьмутся за это! Прежде всего они займутся такими вопросами, как: существует ли жизнь, существует ли движение? Представляет ли собой человек нечто иное, чем бык? Что значит действовать и страдать? Что это за звери – законы и правосудие? Говорят ли они о правителях за глаза или беседуют с нами лично, – речи их равно дерзки и непочтительны. Слышат ли они похвалы своему князю или царю – для них он не более, чем пастух, праздный, как все пастухи, занятый исключительно тем, что стрижет и доит свое стадо, только еще более грубый. Считаете ли вы кого-нибудь стоящим выше других по той причине, что ему принадлежат две тысячи арпанов [5] земли, – они начинают издеваться над этим, ибо привыкли рассматривать весь мир как свою собственность. Гордитесь ли вы своей знатностью на том основании, что можете насчитать семь богатых предков, – они не ставят вас ни во что, ибо вы не постигли, по их мнению, общей картины природы и забыли, сколько каждый из нас насчитывает в своей родословной предшественников, богатых и бедных, царей и слуг, просвещенных людей и варваров. И будь вы даже в пятидесятом колене потомком Геркулеса, они и в этом случае скажут, что вы суетны, если цените этот подарок судьбы. Вот в этом и заключается причина презрения, которое к ним питает толпа, как к людям, не понимающим самых простых общеизвестных вещей, притом заносчивым и надменным [6]. Но это принадлежащее Платону изображение весьма далеко от того, что представляют собою наши педанты. Философы древности вызывали к себе зависть, поскольку они возвышались над общим уровнем, пренебрегали общественной деятельностью, жили отчужденно, на свой особый лад, руководствуясь несколькими возвышенными и не получившими всеобщего распространения правилами. наших педантов, напротив, презирают за то, что они ниже общего уровня, неспособны выполнять общественные обязанности и, наконец, придерживаются образа жизни

и нравов еще более грубых и низменных, нежели нравы и образ жизни толпы.

Odi homines Ignava opera, philosopha sententia. [7].

Так вот, что до философов древности, то они, по моему мнению, великие в мудрости, проявляли еще больше величия в своей жизни. Таков был, судя по рассказам, великий сиракузский геометр [8], который отвлекся от своих ученых разысканий, дабы применить их отчасти на практике для защиты своей родины, когда он неожиданно пустил в ход диковинные машины, действие которых превосходило все, что в состоянии вообразить человек. Но сам он глубоко презирал свои изобретения, считая, что, занявшись ими, унизил свою науку, для которой они были не более, как ученические упражнения или игрушки. Таким образом, эти мудрецы всякий раз, когда им приходилось подвергать себя испытанию действием, взлетали на огромную высоту, и всякому делалось ясно, что их сердца и их души, возвысились и обогатились столь поразительным образом благодаря познанию сути вещей. Некоторые, однако, видя, что важнейшие должности в государстве заняты людьми неспособными, отказались от служения обществу; и тот, кто спросил Кратеса [9], доколе же следует философствовать, услышал в ответ: "Пока погонщики ослов не перестанут стоять во главе нашего войска". Гераклит отказался от царства, уступив его брату, и ответил эфесцам, порицавшим его за то, что он отдает все свое время играм с детьми перед храмом: "Разве это не лучше, чем вершить дела совместно с вами?" Иные, вознесясь мыслью над мирскими делами и судьбами, сочли не только судейские кресла, но и самые царские троны чем-то низменным и презренным. Отказался же Эмпедокл от престола, который ему предлагали жители Агригента. Фалесу [10], который неоднократно обличал скопидомство и жажду обогащения, бросили упрек в том, что он, как лисица в басне, чернит то, до чего не может добраться. И вот однажды ему захотелось забавы ради произвести опыт; унизив свою мудрость до служения прибыли и наживе, он начал торговлю, которая в течение года доставила ему такие богатства, какие с превеликим трудом удалось скопить за всю жизнь людям, наиболее опытным в делах подобного рода.

Аристотель рассказывает, что некоторые называли Фалеса, Анаксагора [11] и прочих, подобных им, мудрецами, но людьми отнюдь не разумными, по той причине, что они проявляли недостаточную заботу в отношении более полезных вещей. Но, не говоря о том, что я не очень-то улавливаю разницу между значениями этих двух слов, сказанное ни в какой мере не могло бы послужить к оправданию наших педантов: зная, с какой низкой и бедственной долей они мирятся, мы скорее имели бы основание применять к ним оба эти слова, сказав, что они и не мудры и не разумны.

Я не разделяю мнения тех людей, о которых говорит Аристотель; мы были бы ближе к истине, я полагаю, если бы сказали, что все зло – в их неправильном подходе к науке. Принимая во внимание способ, которым нас обучают, неудивительно, что ни ученики, ни сами учителя не становятся от этого мудрее, хотя и приобретают ученость. И, в самом деле, заботы и издержки наших отцов не преследуют другой цели, как только забить нашу голову всевозможными знаниями; что до разума и добродетели, то о них почти и не помышляют. Крикните нашей толпе о ком-нибудь из мимоидущих: "Это ученейший муж!", и о другом: "Это человек, исполненный добродетели!", – и она не преминет обратить свои взоры и свое уважение к первому. А следовало бы, чтобы еще кто-нибудь крикнул: "О, тупые головы! Мы постоянно спрашиваем: знает ли такой-то человек греческий или латынь? Пишет ли он стихами или прозой? Но стал ли он от этого лучше и умнее, – что, конечно, самое главное, – этим мы интересуемся меньше всего. А между тем, надо постараться выяснять – не кто знает больше, а кто знает лучше".

Мы трудимся лишь над тем, чтобы заполнить свою память, оставляя разум и совесть праздными. Иногда птицы, найдя зерно, уносят его в своем клюве и, не попробовав, скормливают птенцам; так и наши педанты, натаскав из книг знаний, держат их на кончиках губ, чтобы тотчас же освободиться от них и пустить их по ветру.

До чего же, однако, я сам могу служить примером той же глупости! Разве не то же делаю и я в большей части этого сочинения? Я продвигаюсь вперед, выхватываю из той или другой книги понравившиеся мне изречения не для того, чтобы сохранить их в себе, ибо нет у меня для этого кладовых, но чтобы перенести их все в это хранилище, где, говоря по правде, они не больше принадлежат мне, чем на своих прежних местах. Наша ученость – так, по крайней мере, считаю я – состоит только в том, что мы знаем в это мгновение; наши прошлые знания, а тем более будущие, тут ни при чем.

Но что еще хуже, ученики и птенцы наших педантов не насыщаются их наукой и не усваивают ее; она лишь переходит из рук в руки, служа только для того, чтобы ею кичились, развлекали других и делали из нее предмет занятного разговора, она вроде счетных фишек, непригодных для иного употребления и использования, кроме как в счете или в игре: *Apud alios loqui didicerunt,*

Монтель Мишель О педантизме filosoff.org
non ipsi secum [12]. - Non est loquendum, sed gubernandum [13].

Природа, стремясь показать, что в подвластном ей мире не существует ничего дикого, порождает порой среди мало просвещенных народов такие жемчужины остроумия, которые могут поспорить с наиболее совершенными творениями искусства. Как хороша и как подходит к предмету моего рассуждения следующая гасконская поговорка: "Bouha prou bouha, mas a remuda lous ditz qu'em" - "Все дуть да дуть, но нужно же и пальцами перебирать" (речь идет об игре на свирели).

Мы умеем сказать с важным видом: "Так говорит Цицерон" или "таково учение Платона о нравственности", или "вот подлинные слова Аристотеля". Ну, а мы-то сами, что мы скажем от своего имени? Каковы наши собственные суждения? Каковы наши поступки? А то ведь это мог бы сказать и попугай. По этому поводу мне вспоминается один римский богач, который, не останавливаясь перед затратами, приложил немало усилий, чтобы собрать у себя в доме сведущих в различных науках людей; он постоянно держал их подле себя, чтобы в случае, если речь пойдет о том или другом предмете, один мог выступить вместо него с каким-нибудь рассуждением, другой - прочесть стих из Гомера, словом, каждый по своей части. Он полагал, что эти знания являются его личною собственностью, раз они находятся в головах принадлежащих ему людей. Совершенно так же поступают и те, ученость которых заключена в их роскошных библиотеках.

Я знаю одного такого человека: когда я спрашиваю его о чем-нибудь, хотя бы хорошо ему известном, он немедленно требует книгу, чтобы отыскать в ней нужный ответ; и он никогда не решится сказать, что у него на задку завелась парша, пока не справится в своем лексиконе, что собственно значит зад и что значит парша.

Мы берем на хранение чужие мысли и знания, только и всего. Нужно, однако, сделать их собственными. Мы уподобляемся человеку, который, нуждаясь в огне, отправился за ним к соседу и, найдя у него прекрасный, яркий огонь, стал греться у чужого очага, забыв о своем намерении разжечь очаг у себя дома. Что толку набить себе брюхо говядиной, если мы не перевариваем ее, если она не преобразуется в ткани нашего тела, если не прибавляет нам веса и силы? Или, быть может, мы думаем, что Лукулл, ознакомившись с военным делом только по книгам и сделавшийся, несмотря на отсутствие личного опыта, столь видным полководцем, изучал его по нашему способу?

Мы опираемся на чужие руки с такой силой, что, в конце концов, обессиливаем. Хочу ли я побороть страх смерти? Я это делаю за счет Сенеки. Стремлюсь ли утешиться сам или утешить другого? Я черпаю из Цицерона. А между тем, я мог бы обратиться за этим к себе самому, если бы меня надлежащим образом воспитали. Нет, не люблю я этого весьма относительного богатства, собранного с мира по нитке.

И если можно быть учеными чужою ученостью, то мудрыми мы можем быть лишь собственной мудростью.

Misv sojisthn, ostiz ouc auc auiv sojz, [14]

Ex quo Ennius: Nequicquam sapere sapientem, qui ipse sibi prodesse non quiret [15].

si cupidus, si

Vanus et Euganea quantumvis vlllor agna [16].

Non enim paranda nobis solum, sed fruenda sapientia est [17].

Дионисий издевался над теми грамматиками, которые со всей тщательностью изучают бедствия Одиссея, но не замечают своих собственных: над музыкантами, умеющими настроить свои флейты, но не знающими, как внести гармонию в свои нравы; над ораторами, старающимися проповедовать справедливость, но не соблюдающими ее на деле [18].

Если учение не вызывает в нашей душе никаких изменений к лучшему, если наши суждения с его помощью не становятся более здоровыми, то наш школяр, по-моему, мог бы с таким же успехом вместо занятий науками играть в мяч; в этом случае, по крайней мере, его тело сделалось бы более крепким. Но взгляните: вот он возвращается после пятнадцати или шестнадцати лет занятий; найдется ли еще кто-нибудь, столь же неприспособленный к критической деятельности? От своей латыни и своего греческого он стал надменнее и самоувереннее, чем был прежде, покидая родительский кров, - вот и все его приобретения. Ему полагалось бы прийти с душой наполненной, а он приходит с разбухшею; ей надо было бы возвеличиваться, а она у него только раздулась.

Наши учителя, подобно своим братьям-софистам, о которых это же самое говорит Платон [19], среди всех прочих людей - те, которые обещают быть всех полезнее человечеству, на деле же, среди всех прочих людей - единственные, которые не только не совершенствуют отданной им в обработку вещи, как делают, например, каменщик или плотник, а, напротив, портят ее, и притом требуют, чтобы им заплатили за то, что они привели ее в еще худшее

состояние.

Если бы у нас было принято правило, предложенное Протагором [20] тем, кто у него обучался, а именно: либо они платят ему, сколько бы он ни назначил, либо под присягою заявляют во всеуслышание в храме, во сколько сами оценивают пользу от занятий с ним, и в соответствии с этим вознаграждают его за труд, то мои учителя не разбогатели бы, получив плату на основании принесенной мною присяги.

Мои земляки перигорцы очень метко называют таких ученых мужей *lettreferits* [окниженные], вроде того как по-французски сказали бы *lettre-ferus*, то есть те, кого наука как бы оглушила, стукнув по черепу. И действительно, чаще всего они кажутся нам пришибленными, лишенными даже самого обыкновенного здравого смысла. Возьмите крестьянина или сапожника: вы видите, что они просто и не мудрствуя лукаво живут помаленьку, говоря только о тех вещах, которые им в точности известны. А наши ученые мужи, стремясь возвыситься над остальными и щегольнуть своими знаниями, на самом деле крайне поверхностными, все время спотыкаются на своем жизненном пути и попадают впросак. Они умеют красно говорить, но нужно, чтобы кто-то другой применил их слова на деле. Они хорошо знают Галена [21], но совершенно не знают больного. Еще не разобравшись, в чем суть вашей тяжбы, они забивают вам голову целою кучей законов. Им известна теория любой вещи на свете; надо только найти того, кто применил бы ее на практике.

Мне довелось как-то наблюдать у себя дома, как один из моих друзей, встретившись с подобным педантом, принялся, развлечения ради, подражать их бессмысленному жаргону, нанизывая без всякой связи ученейшие слова, нагромождая их одно на другое и лишь время от времени вставляя выражения, относящиеся к предмету их диспута. Целый день заставлял он этого дуралея, вообразившего, будто он отвечает на возражения, которые ему делают, вести нескончаемый спор. А ведь это был человек высокоученый, пользовавшийся известностью и занимавший видное положение.

*Vos, o patricius sanguis, quos vivere par est
Occipiti caeco, posticae occurrite sannae.* [22]

Кто присмотрится внимательнее к этой породе людей, надо сказать, довольно распространенной, тот найдет, подобно мне, что чаще всего они не способны понять ни самих себя, ни других, и что, хотя память их забита всякой всячиной, в голове у них совершенная пустота, - кроме тех случаев, когда природа сама не пожелала устроить их иначе. Таков был, например, Адриан Турнеб [23]. Не помышляя ни о чем другом, кроме науки, в которой, по моему мнению, он должен почитаться величайшим гением за последнее тысячелетие, он не имел в себе ничего от педанта, за исключением разве покроя платья и кое-каких привычек, не поощряемых, может быть, при дворе. Впрочем, это мелочи, на которые незачем обращать внимания; я ненавижу наших модников, относящихся нетерпимее к платью с изыском, чем к такой же душе, и судящих о человеке лишь по тому, насколько ловок его поклон, как он держит себя на людях и какие на нем башмаки. По существу же, Турнеб обладал самой тонкой и чувствительною душой на свете. Я часто умышленно наводил его на беседу, далекую от предмета его обычных занятий; глаз его был до такой степени зорек, ум так восприимчив, суждения так здравы, что казалось, будто он никогда не занимался ничем иным, кроме военных вопросов и государственных дел. Натуры сильные и одаренные,

queis arte benigna

Ex meliore luto finxit praecordia titan, [24]

сохраняются во всей своей цельности, как бы ни коверкало их воспитание. Недостаточно, однако, чтобы воспитание только не портило нас; нужно, чтобы оно изменяло нас к лучшему.

Некоторые наши парламенты, принимая на службу чиновников, проверяют лишь наличие у них нужных знаний; но другие присоединяют к этому также испытание их ума, предлагая высказываться по поводу того или иного судебного дела. Последние, на мой взгляд, поступают гораздо правильнее; хотя необходимо и то и другое и надлежит чтобы оба эти качества были в наличии, все же, говоря по правде, знания представляются мне менее ценным и, нежели ум. Последний может обойтись без помощи первых, тогда как первые не могут обойтись без ума. Ибо, как гласит греческий стих

'wz onden h madnsiz, hn mh nouz parh,

к чему наука, если нет разума? [25]. Дай бог, чтобы ко благу нашего правосудия эти судебные учреждения сделались столь же разумны и совестливы, как они богаты ученостью. *Non vitae, sed scholae discimus* [26]. Ведь дело не в том, чтобы, так сказать, прицепить к душе знания: они должны укорениться в ней; не в том, чтобы окропить ее ими: нужно, чтобы они пропитали ее насквозь; и если она от этого не изменится и не улучшит своей несовершенной природы, то, безусловно, благоразумнее махнуть на все это рукой. Знания, - обоюдоострое оружие, которое только обременяет и может

поранить своего хозяина, если рука, которая держит его, слаба и плохо умеет им пользоваться: *ut fuerit melius non didicisse* [27].

Быть может, именно по этой причине и мы сами, и теология не требуем от женщин особых познаний; и когда Франциску, герцогу Бретонскому, сыну Иоанна V, сообщили, ввиду его предполагаемой женитьбы на Изабелле Шотландской [28], что она воспитана в простоте и не обучена книжной премудрости, он ответил, что ему это как раз по душе и что женщина достаточно образована, если не путает рубашку своего мужа с его курткой.

Поэтому вовсе не так уже удивительно, как об этом кричат повсюду, что науки не очень-то ценились нашими предками и что люди, овладевшие ими, и сейчас еще редкое исключение среди ближайших королевских советников. И если бы всеобщее стремление разбогатеть – чего в наши дни можно достигнуть при помощи юриспруденции, медицины, преподавания да еще теологии, – не поддерживало авторитета науки, мы бы видели ее, без сомнения, в таком же пренебрежении, в каком она находилась когда-то. Как жаль, однако, что она не учит нас ни правильно мыслить, ни правильно действовать! *Postquam docti prodierunt, boni desunt* [29].

Тому, кто не постиг науки добра, всякая иная наука приносит лишь вред. Причина этого, которую я пытался только что выяснить, заключается, быть может, и в том, что у нас во Франции обучение наукам не преследует, как правило, никакой иной цели, кроме прямой выгоды. Я не считаю тех, весьма немногих лиц, которые, будучи созданы самой природой для занятий скорей благородных, чем прибыльных, всей душой отдаются науке; иные из них, не успев как следует познать вкус науки, оставляют ее ради деятельности, не имеющей ничего общего с книгами. Таким образом, по-настоящему уходят в науку едва ли не одни горемыки, ищущие в ней средства к существованию. Однако в душе этих людей, в от природы и вследствие домашнего воспитания, а также под влиянием дурных примеров наука приносит чаще всего дурные плоды. Ведь она не в состоянии озарить светом душу, которая лишена его, или заставить видеть слепого; ее назначение не в том, чтобы даровать человеку зрение, но в том, чтобы научить его правильно пользоваться зрением, когда он движется, при условии, разумеется, что он располагает здоровыми и способными передвигаться ногами. Наука – великолепное снадобье; но никакое снадобье не бывает столь стойким, чтобы сохраняться, не подвергаясь порче и изменениям, если плох сосуд, в котором его хранят. У иного, казалось бы, и хорошее зрение, да на беду он косит; вот почему он видит добро, но уклоняется от него в сторону, видит науку, но не следует ее указаниям. Основное правило в государстве Платона – это поручать каждому гражданину только соответствующие его природе обязанности. Природа все может и все делает. Хромые мало пригодны к тому, что требует телесных усилий; так же и те, кто хромает душой, мало пригодны к тому, для чего требуются усилия духа. Душа ублюдочная и низменная не может возвыситься до философии. Встретив дурно обутого человека, мы говорим себе: неудивительно, если это сапожник. Равным образом, как указывает нам опыт, нередко бывает, что врач менее, чем всякий другой, печется о врачевании своих недугов, теолог – о самоусовершенствовании, а ученый – о подлинных знаниях.

В древние времена Аристон из Хиоса был несомненно прав, высказав мысль, что философы оказывают вредное действие на своих слушателей, ибо душа человеческая в большинстве случаев неспособна извлечь пользу из тех поучений, которые, если не сеют блага, то сеют зло: *asotos ex Aristippi, acerbos ex Zenonis schola exire* [30].

Из рассказа Ксенофонта о замечательном воспитании, которое давалось детям у персов, мы узнаем, что они обучали их добродетели, как другие народы обучают детей наукам. Платон говорит [31], что старшие сыновья их царей воспитывались следующим образом: новорожденного отдавали не на попечении женщин, а тех евнухов, которые по причине своих добродетелей пользовались расположением царской семьи. Они следили за тем, чтобы тело ребенка было красивым и здоровым, и на восьмом году начинали приучать его к верховой езде и охоте. Когда мальчику исполнялось четырнадцать лет, его передавали под надзор четырех воспитателей: самого мудрого, самого справедливого, самого умеренного и самого доблестного в стране. Первый обучал его религиозным верованиям и обрядам, второй – никогда не лгать, третий – властвовать над своими страстями, четвертый – ничего не страшиться.

Весьма примечательно, что в превосходном своде законов Ликурга, можно сказать, исключительно по своему совершенству, так мало говорится об обучении, хотя воспитанию молодежи уделяется весьма много внимания и оно рассматривается как одна из важнейших задач государства, причем законодатель не забывает даже о музах: выходит, будто это благородное юношество, презиравшее всякое другое ярмо, кроме ярма добродетели, нуждалось вместо наших преподавателей различных наук лишь в учителях доблести, благоразумия и справедливости, образцу, которому последовал в

своих законах Платон. Обучали же их следующим образом: обычно к ним обращались с вопросом, какого они мнения о тех или иных людях и их поступках, и, если они осуждали или, напротив, хвалили то или иное лицо или действие, их заставляли обосновать свое мнение; этим путем они изоощряли свой ум и, вместе с тем, изучали право. Астиаг, у Ксенофонта, требует от Кира отчета обо всем происшедшем на последнем уроке. "У нас в школе, - говорит тот, - мальчик высокого роста, у которого был слишком короткий плащ, отдал его одному из товарищей меньшего роста, отобрав у него более длинный плащ. Учитель велел мне быть судьей в возникшем из-за этого споре, и я решил, что все должно остаться как есть, потому что случившееся наилучшим образом устраивает и того и другого из тяжущихся. На это учитель заметил, что я неправ, ибо ограничился соображениями удобства, между тем как сначала следовало решить, не пострадает ли справедливость, которая требует, чтобы никто не подвергался насильственному лишению собственности". Мальчик добавил, что его высекли, совсем так, как у нас секут детей в деревнях за то, что забыл, как будет первый аорист глагола *τηρω* [я бью]. Моему ректору пришлось бы произнести искуснейшее похвальное слово *in genere demonstrativo** прежде чем он убедил бы меня в том, что его школа не уступает писанной. Древние хотели сократить путь и, - поскольку никакая наука, даже при надлежащем ее усвоении, не способна научить нас чему-либо большему, чем благоразумию, честности и решительности, - сразу же привить их своим детям, обучая последних не на слух, но путем опыта, направляя и формируя их души не столько наставлениями и словами, сколько примерами и делами, с тем, чтобы эти качества не были восприняты их душой как некое знание, но стали бы ее неотъемлемым свойством и как бы прививкой, чтобы они не ощущались ею как приобретения со стороны, но были бы ее естественной и неотчуждаемой собственностью. Напомню по этому поводу, что, когда Агесилая спросили, чему, по его мнению, следует обучать детей, он ответил: "Тому, что им предстоит делать, когда они станут взрослыми". Неудивительно, что подобное воспитание приносило столь замечательные плоды.

* В торжественном роде (лат.).

Говорят, что ораторов, живописцев и музыкантов приходилось искать в других городах Греции, но законодателей, судей и полководцев - только в Лакедемоне. В Афинах учили хорошо говорить, здесь - хорошо действовать; там - стряхивать с себя путы софистических доводов и сопротивляться обману словесных хитросплетений, здесь - стряхивать с себя путы страстей и мужественно сопротивляться смерти и ударам судьбы; там пеклись о словах, здесь - о деле; там непрестанно упражняли язык, здесь - душу. Неудивительно поэтому, что, когда Антипатр потребовал у спартанцев выдачи пятидесяти детей, желая иметь их заложниками, их ответ был мало похож на тот, какой дали бы на их месте мы [32]; а именно, они заявили, что предпочитают выдать двойное количество взрослых мужчин. Так высоко ставили они воспитание на их родине и до такой степени опасались, как бы их дети не лишились его. Агесилай убеждал Ксенофонта отправить своих детей на воспитание в Спарту не для того, чтобы они изучали там риторику или диалектику, но для того, чтобы усвоили самую прекрасную (как он выразился) из наук - науку повиноваться и повелевать.

Весьма любопытно наблюдать Сократа, когда он подсмеивается, по своему обыкновению, над Гиппием, который рассказывает ему, что, занимаясь преподаванием, главным образом в небольших городах Сицилии, он заработал немало денег и что, напротив, в Спарте он не добыл ни гроша; там живут совершенно темные люди, не имеющие понятия о геометрии и арифметике, ничего не смыслящие ни в метрике, ни в грамматике и интересующиеся только последовательностью своих царей, возникновением и падением государств и тому подобной чепухой. Выслушав Гиппия [33], Сократ постепенно, путем остроумных вопросов, заставил его признать превосходство их общественного устройства, а также, насколько добродетельную и счастливую жизнь ведут спартанцы, предоставив своему собеседнику самому сделать вывод о бесполезности для них преподаваемых им наук.

Многочисленные примеры, которые являют нам и это управляемое на военный лад государство и другие подобные ему, заставляют признать, что занятия науками скорее изнеживают души и способствуют их размягчению, чем укрепляют и закаляют их. Самое мощное государство на свете, какое только известно нам в настоящее время, - это империя турок, народа, воспитанного в почтении к оружию и в презрении к наукам [34]. Я полагаю, что и Рим был гораздо могущественнее, пока там не распространилось образование. И в наши дни самые воинственные народы являются вместе с тем и самыми дикими и невежественными. Доказательством могут служить также скифы, парфяне, Тамерлан [35]. Во время нашего вояжа готов на Грецию ее библиотеки не подвергались сожжению только благодаря тому из завоевателей, который счел за благо оставить всю эту утварь, как он выразился, неприятелю, дабы она

отвлекла его от военных упражнений и склонила к мирным и оседлым забавам. Когда наш король Карл VIII, не извлеки даже меча из ножен, увидел себя властелином неаполитанского королевства и доброй части Тосканы, его приближенные приписали неожиданную легкость победы только тому, что государи и дворянство Италии прилагали гораздо больше усилий, чтобы стать утонченными и образованными, чем чтобы сделаться сильными и воинственными [36].

[1] ...в итальянских комедиях педанты... - Во время Монтеня слово "педант" в большинстве европейских языков означало - учитель, преподаватель.

"Педант" был одним из персонажей итальянской комедии дель арте. Магистр (как и происходившее от него франц. maître - мэтр) также значит - учитель.

[2] Жоашен дю Велле (1522-1560) - выдающийся поэт, возглавлявший вместе с Ронсаром новое направление во французской поэзии (группа "Плеяды"). Приводимый Монтенем стих взят из одного сонета дю Велле, включенного в сборник "Сожаления" ("Regrets").

[3] ...слова "грек" и "ритор" были... бранными... - Плутарх. Жизнеописание Цицерона, 5.

[4] Magis magnos clericos... - Эти слова на пародийно искаженной латыни (чем подчеркивается ничтожество тогдашнего школьного обучения) произносит в романе Рабле брат Жан (Гаргантюа. гл. 39). Передать их по-русски можно примерно так. более великие ученые - еще не значит более великие мудрецы, т. е. от большой школьной учености человек еще не делается умным.

[5] Арпан - земельная мера, приблизительно, от 1/3 до 1/2 га.

[6] Что до философов... заносчивым и надменным... - Весь этот отрывок довольно точный пересказ из 24 главы "Тезтета" Платона.

[7] Я ненавижу людей, не пригодных к делу и при этом пространно рассуждающих (лат.). - Пакувий в цитате у Авла Геллия, XIII, 8.

[8] ...сиракузский геометр... - Архимед (287-212 гг. до н. э.). Благодаря изобретениям Архимеда Сиракузы в течении трех лет сопротивлялись римлянам (214 - 212 гг. до н. э.). См. Плутарх. Жизнеописание Марцелла, 17-18.

[9] ...спросил Кратеса... - Кратес - греческий философ-киник, ученик Диогена, (IV в. до н. э.)

[10] Фалесу... бросили упрек... - Фалес из Милета (конец VII - начало VI в. до н. э.) древнегреческий ученый и мыслитель.

[11] Аиаксагор (500-428 гг. до н. э.) - выдающийся древнегреческий философ, друг Перикла и поэта Еврипида.

[12] Они научились говорить перед другими, но не с самими собою (лат.). Цицерон, Tusculanские беседы, V, 36.

[13] Нужно не разговаривать, а действовать (лат.). - Сенека. Письма, 108, 37.

[14] Ненавижу мудрого, который не мудр для себя (греч.). - парафраза стиха Еврипида; Цицерон. Письма к друзьям, XIII, 15.

[15] На основании чего Энний: нет пользы мудрецу в мудрости, если он сам себе не может помочь (лат.). - Цицерон. Об обязанностях, III, 15.

[16] Если он жаден, лгун и купить его легче, чем евганейскую овцу (лат.). - Ювенал. Сатиры, VIII, 15.

[17] Ибо мы должны не только копить мудрость, но и извлекать из нее пользу (лат.). - Цицерон. О высшем благе и высшем зле, I, I.

[18] ...но не соблюдающими ее на деле. - Диоген Лаэртский, VI, 27.28.

Монтень здесь не совсем точен: Диоген Лаэртский называет не Дионисия, а философа Диогена.

[19] ...о которых... говорит Платон... - Менон, 91 а-е.

[20] ...правило, предложенное Протагором... - Платон. Протагор, 338 с.; Протагор - древнегреческий философ-софист (V в. до н. э.).

[21] Гален - знаменитый римский врач, родом грек (131 - ок. 200 г. н. э.) оставил много трудов, пользовавшихся широкой известностью. Для средневековой медицины Гален (наряду с Цельсом) - непререкаемый авторитет.

[22] О род патрициев! Вы, кому подобает жить, не оборачиваясь назад, остерегайтесь, как бы не стали потешаться над вами за вашей спиной (лат.). Персий, I, 61.

[23] Адриан Турнеб (1512-1565) - видный французский филолог, которому принадлежит большое количество переводов из древних авторов и комментариев к ним. Оценку, данную Турнебу Монтенем, разделяло большинство его современников.

[24] Души, которых при помощи благостного искусства вылепил из лучшей глины Титан (т.е. Прометей) (лат.). - Ювенал. Сатиры, XIV, 35.

[25] ...к чему наука, если нет разума? - Стобей. Антология, III, 25.

[26] Мы учимся не для жизни, а для школы (т.е. учимся не тому как надо действовать ? жизни, а только рассуждать) (лат.). - Сенека. Письма, 106, 12.

[27] Так что было бы лучше совсем не учиться (лат.). - Цицерон.

Тускуланские беседы, 11. 4.

[28] ...Франциску, герцогу Бретонскому. - Имеется в виду Франциск I, герцог Бретонский с 1442 по 1450 г.

[29] После того, как появились люди ученые, нет больше хороших людей (лат.). - Сенека. Письма, 95, 13.

[30] Из школы Аристиппа выходят распутники, из школы Зенона - брюзги (лат.). - Цицерон. О природе богов, 111, 31.

[31] Платон говорит... - В "Алкивиаде I", 121 a-122 b.

[32] ...когда Антипатр потребовал у спартанцев выдачи... детей... Антипатр (397-319 гг. до н. э.) - один из крупнейших полководцев и государственных деятелей Македонии.

[33] Выслушав Гиппия... - Гиппий - софист из Элиды (V в. до н. э.).

[34] ...империя турок, народа, воспитанного... в презрении к наукам. Этот пример, а также дальнейшие, приводимые Монтенем в сделанной им позднее вставке, начинающейся с абзаца "Весьма любопытно видеть Сократа..." и до конца главы, - несомненно недоказательны. Может создаться впечатление, что Монтень впадает здесь в противоречие с основным положением, доказываемым в этой главе, - о пользе истинной науки в отличие от схоластической лжеучености. Однако такие парадоксы у Монтеня не редкость, особенно когда речь идет о добавлениях, сделанных долгое время спустя после написания основного текста. В действительности противоречие это лишь кажущееся: Монтень остается верен своему тезису и здесь, ибо приводимые им примеры относятся к странам и народам, у которых наука находилась в зачаточном состоянии или была "в презрении", как выражается Монтень. Что же касается последнего приведенного Монтенем примера с Италией, относящегося ко времени войн французских феодалов за обладание Италией, то Монтень здесь приводит объяснение, дававшееся приближенными Карла VIII, сам же Монтень прекрасно знал и указывал в другом месте, что очень недолгий и непрочный успех Карла VIII в Италии был вызван противоречием интересов в стане других захватчиков, также зарившихся на Италию.

[35] Тамерлан, или Тимур (1333-1405) - основатель второй монгольской империи, завоеватель обширнейших территорий в Средней и Малой Азии, Индии, Персии; совершил походы на Османскую империю, Русь; умер во время похода в Китай. Орды Тамерлана производили страшные опустошения, и его имя, наряду с именами Аттилы и Чингисхана, осталось в народной памяти как олицетворение беспредельной жестокости, необузданности, бессмысленного и беспощадного истребления.

[36] ...когда наш король Карл VIII... увидел себя властелином... доброй части Тосканы... - Речь идет о неаполитанском походе Карла VIII, который в 1496 г. с поразительной легкостью завоевал обширные территории. Впрочем, в том же году под нажимом объединенных сил пал римского, германского императора и венецианцев французам пришлось уйти из Италии.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!